

5
П ОМНИТЕ у Шекспира: «Она
мне за уши полубога, а
я ее — за сострадающие
и уши». Эта тема иррасичной нитью
пробивает через «Отелло» Тбилисского театра оперы и балета
им. З. Палиашвили. Она
становится ведущей у Дездемоны — И. Савенч и Отелло —
Т. Санадзе, которых увидели бакинцы в последнем спектакле
гостей.

Хрупкая белокуроя девочка, затанц дыхание, слушает рассказы мамы о ага мелегом мизантропом пути. Она не может сдержать слез сострадания и сочувствия. Малость и этому сильному и мужественному человеку переполняет сердце, рождает любовь — любовь, застаивающую робкую, застенчивую девушку, почти ребенка, пойти наперекор родительской воле, нарушить обычаи, бежать из дому с чернокожком. На иже у Дездемоны — И. Савенч — просыпается гордость и сила духа, чем-то роднищие ее героине с улановской Дмульеттой: в Самате, перед лицом отца и дожей она смело утверждает свою любовь и твердо избирает единственный возможный для себя путь — с Отелло.

И снова — задумчивая, чуть-чуть печальная даже в минуты счастья девочка-жена, самой себе мажущаяся чуной в пышной обстановке дворца, в нарядном платье венкицинии. В ней нет величия, влекущего очарования тичиановских иррасич — всего, что свойственно в этой роли В. Цигнадзе. Она преста, наивна, даже не очень-то иррасича. Но в этой хрупкой, застенчивой угловатости — такая сила чувства, такая внутренняя одухотворенность, что трагедия Шекспира становится трагедией не Отелло, а Дезде-

моны — ее оилеветанной любви, ее трепетной юности, сломленной и уничтоженной безжалостной руиой.

Танец И. Савенч не атумицаетс я тичианеским блеском. Но а ддажмо она очень хороша: ее устремленные взгляды арабески вновь и вновь напоминают об Улановой, чистота линий в партнерных и верхних поддержках, позы, пронизанные настроением, — все это создает хореографический образ, которым не скоро забудется зритель.

И другая фигура спектакля надолго останется в памяти — Яго в исполнении заслуженного артиста республики В. Гунашвили. Этого антера, обладающего таким-то особым «шлейфом» (брио). Бакинцы запомнили по партиям Синадала в «Демоне» и мавра Мамини в «Горде».

что с трудными танцевальными движениями он справляется легко, словно играючи. Ни одна па не существует у него в отрыве от образа, не ставшая целью сама собой. Везде свободный танцевальный язык партия «условно антером так органично, что кажется единичным присутствием ему средством выражения.

Элегантным, ленивым, но строгим обязательным молодым человеком, превосходно усвоившим все правила этикета — не «сладкофоном», не «вубаней» — предстает перед нами Яго — В. Гунашвили. Его очарование невозможно не поддаться, он заораживает и зал, и всах, что его окружает на сцене. И лишь на секунду, когда Яго оставляет молодина с самим собой (и

характер. Он не раскрывает сразу истинное лицо своего «героя», он показывает его исподволь, постепенно разоблачая все шару подлости, предательства, маветина, убийцы. И лишь одного последнего штриха не хватает для полноты картины — а финальной лезе, когда поверженный на колени Яго стоит возле трупа Отелло. Дездемоны и Эмилиа — не все, нем «оценивает» Яго-Гунашвили плоды своих подлых интриг — раскидывается ли в содеянном или злорадно торжествует. Партия Яго открыла нам а лице В. Гунашвили артиста с яркой творческой индивидуальностью. Он не идет по следам шадего испрлнтителя этой роли — маредного артиста З. Минашвили. Он ищет и находит свою трантовку, и трантовку и

ТАНЦУЕТ МОЛОДЕЖЬ

Византизм остановил среди стремительного движения грузинским пляским, глубоко скрытый, искусно сдерживаемый темперамент — все, что оправдывает его успех в грузинских танцах, составляющих основу предыдущих партий, своеобразно преломилось в роли Яго.

По хореографии эта партия, пожалуй, наиболее интересная в балете (там уж повелось, что роли отрицательных персонажей «вдохновляют» балетмейстерскую фантазию, изощряют изобретательность). Но заслуга В. Гунашвили не только в том,

талант) — в его глазах мелькают огоньки ревности и злобы, руки истинно злодейски шлепугу, а обязательная улыбка обрывается дьявольской усмешкой. Но — лишь на секунду. В этих мгновениях первооплощения Яго одна из самых сильных сторон создаваемого Гунашвили образа. Обладая отличной мимикой и мавелудными актерскими мастерством, он привнесит в хореографическую пану партия множество ярких штрихов, позволяющих нарисовать интереснейший, сложный и многогранный

мневе убедительную. Этого, и сожалением, нельзя сказать об неполинтете роли Отелло заслуженном артисте республики Т. Санадзе. Т. Санадзе — весь под властью образа, созданного В. Чавушвили. Понятно, что, имея перед глазами такой образец, трудно отрешиться от него для поиска своего «слева» в спектакле. И все-таки прямолинейное копирование не может стать залогом успеха. Т. Санадзе молод, легон, иррасича. В первых партиях балета он с теплотой и искренностью пере-

дает большое, нежное и трепетное чувство Отелло и Дездемоны. Он энергичен в сцене битвы, импозантен в иррасичных сценах пленения. Но в наиболее сильные эпизодах спектакля — в диалоге с Яго, в сцене удушения Дездемоны — ему не хватает глубины переживания, внутренней наполненности действия и поступков — того, без чего невозможно завоевать доверие зрительского зала, заставить публику жить и чувствовать вместе с героем спектакля. Если применить к балету термин И. Станиславского — «искусство предвзвешенности» и «искусство парирования» — то работа Т. Санадзе строится на принципе первого, а не второго (недостаток, и сожалением, свойственный многим балетным спектаклям театра им. Палиашвили). И это обедняет впечатление от балета, впечатление, которое в общем можно было бы назвать сильным и значительным.

В этом спектакле не было громких имен. Публика, рассаживаясь по местам перед началом первого акта, разочарованно ворчала: «Не повезло — второй состав». Нет, после окончания спектакля надежды на а зала не было. Молодые антеры и исполнители главных ролей: Т. Куцуладзе в роли Иасиса, Т. Цулукидзе — Родриго, Т. Коссава — Эмилиа — сумели доставить до зрителя все своеобразие хореографического замысла постановщика В. Чавушвили и чудесной музыки А. Мачавариани. Новые и новые имена грузинских мастеров балета становятся знакомыми бакинцам. Имямда востреча «отрывают» новые дарования, развивают впечатление, радуют.

Инна КАГАН.

Балет «Отелло» на сцене Тбилисского театра оперы и балета им. З. Палиашвили. Отелло — заслуженный артист республики Т. САНАДЗЕ, Дездемона — И. САВЕНЧ.